

Виктория Токарева

Дом за поселком

Н
О
В
А
Я

К
Н
И
Г
А

И з д а т е л ь с т в о « А з б у к а »

Виктория Токарева
Дом за поселком (сборник)

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43

Токарева В. С.

Дом за поселком (сборник) / В. С. Токарева — «Азбука-Аттикус», 2018

ISBN 978-5-389-15784-2

«К дачному поселку „Советский писатель“ прилепился еще один дом. Он стоял особняком, как говорится, сбоку припека. Дом был небольшой, одноэтажный, с односкатной крышей. Напоминал ларек. Но ларек не простой, а изысканный. Проект был сделан знаменитым архитектором. Известно, что все талантливое просто. Ничего лишнего. Красный кирпич, черепичная крыша, просторные окна, широкая палуба перед домом, выложенная диким камнем...» Виктория Токарева

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43

ISBN 978-5-389-15784-2

© Токарева В. С., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Ну и что?	6
Дом Павла Антокольского	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Виктория Самойловна Токарева

Дом за поселком

© Токарева В. С., 2018

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА ®

Ну и что?

Ее называли Ия. Дурацкое имя. Какое-то обкусанное, как будто буквы надо было покупать, а денег нет. И произносить неудобно. Ия прибавила две мягких согласных – получилось Лиля. Она всем представлялась: Лилля. Ия осталось только в паспорте.

В школе Лилля училась на крепкое «три», по литературе «пять». Однажды она написала в сочинении такие строчки: «Птицы купались в голубых волнах воздуха». Учительница Марья Львовна, старуха в ортопедическом ботинке и с палкой, задержалась возле парты, прочитала и вдруг обняла. Значит, ей понравилось.

В те времена мальчики и девочки учились отдельно. Девочки ходили в школьных формах: коричневое платье, черный передник. Под мышкой белые соляные круги. От девочек воняло, как в конюшне. Это указывало на половое созревание, активную деятельность эндокринной системы.

Лилля – худенькая, как кузнечик, без соляных кругов. У нее были тяжелые, сильные волосы. Она заплетала их в косу. Коса получалась толщиной в ее руку.

Лилля нравилась себе и другим. Практически всем, кроме директрисы. Вручая аттестат зрелости, директриса сказала Лиле: «Будь другой».

Дура была директриса. Хотела, чтобы все были одинаковые, как китайцы. Верующая. Но верила не в Христа, а в Иосифа Виссарионовича Сталина.

Лилля и была другая. Она отличалась ото всех тем, что превосходно озвучивала свои мысли. Читала разные книги, а потом пересказывала их подругам. Подруги не могли отлипнуть от Лили. Вместе возвращались после школы домой. В центре шла Лилля, а вокруг нее – кольцо одноклассниц. Передвигались медленно, боялись пропустить слово. Доходили до дома, разворачивались и шли назад, поскольку история продолжалась. Все кончалось тем, что из подъезда выскакивала мама Лили – неряшливо одетая, злобная, грубая – и выдирали Лиллю из кольца – и тем самым разрушала все Лилино превосходство. Более того, она окунала ее в унижение, хамство. Утаскивала Лиллю за косу. Засовывала в подъезд. У мамы были свои причины: дома был обед, а Лилля опаздывала и срывала ее планы.

Лилля поднималась по лестнице и громко рыдала. Мать шла позади, как расхристанная цыганка, и добавляла унижение обидным текстом. Она все рушила. Она кидала Лиллю с высот в пропасть. Это было невыносимо. Не хотелось жить.

Мать Лили была одинока, несчастна и плохо воспитана. Точнее, никак не воспитана. Отец привез ее из деревни, а сам умер.

В деревнях тоже разные люди. Есть робкие, деликатные, верующие. Но мама Лили из другого теста. Она должна была выживать любой ценой. Жила без ласки и огрубела.

Мама хотела, чтобы ее дочка выбилась в люди. Для этого необходимо, чтобы девушка изъяснялась по-французски и играла на фортепьянах. Так было принято в девятнадцатом веке. А двадцатый век – чем хуже?

Мама жила плохо, но она умела жить плохо. Умела выживать и помогать другим. К ней приходила соседка тетя Валя и садилась в ожидании. Мама чистила картошку, а шкурку отдавала тете Вале. Та отмывала и делала себе draniki. Получалось вкусно, потому что мама глубоко внедрялась ножом в картофельную плоть. На очистках оставалась треть картофеля. Мама жила плохо, но остальные жили еще хуже, а все познается в сравнении.

Однако были и такие, кто жил хорошо. В соседнем корпусе жила свояченица Чкалова. У нее было отчество «Эразумовна», что намекало на ее иностранное, скорее всего польское, происхождение. У свояченицы был сын по имени Шурик. Однажды тринадцатилетняя Лилля позвонила им в дверь – ни за чем, просто так. Дверь открыл Шурик. Это был пятнадцатилетний мальчик-принц в черном бархатном костюмчике с белым кружевным воротником. В его

взгляде стояло недоумение: кто такая? зачем пришла? Лиля онемела. Она не могла раскрыть рта и двинуться с места. От мальчика веяло роскошью, красотой, счастьем, шоколадными конфетами и закатом багрового солнца в воды Гибралтара.

Шурик стоял и спрашивал: «Что? Что?» Что надо девочке, и зачем она пришла, и кто она такая вообще?

Он подождал и закрыл перед ней дверь, отсекая себя и свой мир. Все.

С тех пор Лиля захотела другой жизни – без хамства, без картофельных очисток, а желательно с путешествиями вокруг света на большом пароходе и конечно же с любовью. Много, много любви...

Лиля окончила школу и забыла о ней. Помнила только, как мальчик-старшеклассник из соседней школы застрелил девочку. Он ее любил, а она его нет. Война только что кончилась, и во многих семьях было оружие.

Мальчик выстрелил девочке в сердце из отцовского пистолета, по принципу «не доставайся же ты никому». Девочку перенесли в медицинский кабинет. Она лежала на кушетке, и, боже, какая разница между порывом неразделенной любви и мертвым тяжелым телом. А там, за скобками, еще и отчаяние родителей, которых никто не видел.

Школа окончена. Дальше – институт. Но какой институт для троечницы? Кто ее возьмет? Кому она нужна? Хорошо излагает мысли, но это ее личное дело.

Лиля вышла замуж. Ей достался красивый молодой человек, похожий на Шурика, но ничей не родственник, а просто командировочный из Москвы. Молодой специалист. Инженер за сто двадцать рублей в месяц. Инженер – это плохо. А москвич – хорошо. Все же столица. И красивый – тоже хорошо. Легко любить. Лестно идти рядом.

Лиля переехала из Ленинграда в Москву. Убралась от матери.

Бедная мама. Она справляла подарочки дочке, жениху. А какие у нее деньги? Копеечки сиротские. Только позже Лиля поняла, в каких тисках билась ее несчастная сорокалетняя мать. В сущности, молодая женщина. А Лиле она казалась старой и выпавшей из конкуренции. Кому нужна старая и бедная? Логично, когда старая и богатая или бедная, но молодая. А здесь ни то ни другое.

Пройдет много лет. Лиля осознает, что мать была яркая, талантливая и самоотверженная. Она жертвовала собой ради счастья единственной дочери. И напрасно. Надо было устраивать свою судьбу, пытаться ухватить счастье хотя бы за хвост.

Это было послевоенное время. Мужчин перебили. Тех, кто остался, – расхватали, так что и за хвост ухватить некого. Реален был только союз с одиночеством. Мамино спасение – Лиля. Ей было кого любить.

Свадьбу справляли в доме у жениха. Свадьба получилась веселая и вкусная. Потом началась жизнь, совместное проживание с родителями в коммуналке. Пробовали жить отдельно, снимали комнаты: разнообразные хозяева, бедность, серость, неудобная одежда – зимой холодно, весной жарко. Единственное удобство – молодость. Но когда она есть, ее не замечаешь и не ценишь. Видишь только бегущие дни – однообразные, как стая птиц в небе. И никакая любовь не спасает. Лиля чувствовала себя затерянной в большом городе, как пуговица в коробке. Кому она нужна? Когда ее достанут и куда-нибудь пришьют?

Лиля работала в школе. Ей удалось устроиться секретаршей директора.

Однажды в школу пришел известный детский поэт. Это мероприятие называлось «Вечер встречи с читателем».

Поэт был старый, пятьдесят лет, но говорил интересно.

Лиля сидела в первом ряду и слушала. Поэт казался ей из другого мира, как Шурик. Буквально инопланетянин. Там, на его планете, «фонтаны били голубые и розы красные росли».

Лиля поняла, что она уйдет из школы и поступит в Институт кинематографии на сценарный факультет. Почему на сценарный? Потому что на актерский не протолкаться, сто человек на место. Все хотели прижизненной славы и богатства, которое приходит вместе со славой. На сценарный – полегче. А у Лили были литературные способности. Она это чувствовала. Сама не писала, но слышала слово и поэтому так интересно пересказывала прочитанное.

Лиля, конечно, хотела сниматься, но ей казалось: если она напишет сценарий, то станет хозяйкой будущего фильма и сыграет любую роль. И станет хозяйкой жизни.

Наступило лето. Лиля отправилась поступать во ВГИК. И благополучно провалилась. Она не понравилась мастеру.

Мастер – женщина в возрасте, со следами красоты. Она считала, что на сценарный факультет должны поступать люди, знающие жизнь, а именно работающие на производстве или в колхозе. А такие, как Лиля, едва за двадцать, с тонкой талией и широкой юбкой – что они могут знать, кроме мужских ухаживаний?

Лилию не взяли. Ее жизнь рухнула. Ромочка (так звали ее мужа) не хотел, чтобы Лиля поступила в Институт кинематографии. Там кино, артисты, разврат, они отберут у него жену, она отобьется от дома и превратится в ту, которая согласна на все. В кино других не бывает. Но когда Лиля вернулась домой после провала, когда она рухнула на кровать и взвыла предсмертным воем, Ромочка вскочил со стула (он в это время ел), подбежал к кровати и замер над распростертым телом жены. Он был готов умереть, только чтобы она не страдала так страшно. Пусть она будет кем хочет, пусть делает что хочет, только бы ей было интересно жить.

Ромочка понимал: Лиле мало того, что он может ей дать. Она ищет творческого дополнения в свою жизнь. Это, конечно, опасно. Она поменяет среду обитания, а там другие правила. Но оставаться в прежней среде обитания – скучно и тоскливо. А жизнь – длинная. И идти по такой жизни все равно что по пустыне, где только песок и небо.

Ромочка стоял над ее распростертым телом и чувствовал себя виноватым.

На другой день соседка по коммуналке, деревенская женщина, погадала Лиле на картах и сказала, что Лиля поступит.

Лиля не поверила. Как она может поступить, когда ее уже не приняли, и списки уже вывесили, и ее в списках нет.

На всякий случай Лиля раздобыла телефон знаменитого поэта, который выступал в школе. Позвонила. Он ее узнал. Ласково спросил:

– Как дела?

Лиля хотела ответить, но вдруг зарыдала в трубку – громко и безутешно.

Поэт растерялся, потом встревожился:

– В чем дело?

– Я не... по... сту... пила во ВГИК...

– И все? – удивился поэт. – Ты так плачешь, я подумал: у тебя кто-то умер.

Далее поэт позвонил ректору ВГИКа (они были друзья-приятели), и Лилию записали на курс. Она поступила, как и предсказывали карты. Фантастика.

Жизнь Лили, как корабль, развернулась и пошла совершенно в другую сторону. Лиля бросила свою работу в школе. Она не любила этот вид деятельности. Просто скинула с ног как изношенную обувь. Начала писать курсовые работы: немой этюд, звуковой этюд. Преподавали люди, которые сами не умели писать и научить ничему не могли. Да этому и нельзя научить.

Если Господь Бог вложил в тебя батарейку, она будет чикать и все получится само собой. А если батарейки нет – ничего не поможет.

Единственное, что было полезно во ВГИКе, – обсуждения. Так называемая творческая среда. Она формирует вкус и дает много такого, что необходимо.

Лиля запомнила старого мастера. Он говорил: «Если вы можете рассказать свой сценарий в двух словах, значит, он придуман. А если в двух словах не получается, значит, не додуман. Надо думать дальше. Например: „Дама с собачкой“ Чехова. В двух словах: бабник Гуров встретил в Ялте молодую даму с собачкой. Предполагал, будет кратковременный курортный роман, а оказалось большое чувство. Все. Сюжет уложился в четыре строчки. Значит, рассказ Чеховым придуман и додуман. Те же требования и к сценарию».

Лиля училась добросовестно. Писала с наслаждением, постоянно что-то сочиняла и пересказывала свои замыслы окружающим людям: подругам, соседям – и всем надоела в конце концов. У каждого своя жизнь и свои замыслы. Сюжеты Лили никого не интересовали, кроме самой Лили. А Лилю в свою очередь ничего не интересовало, кроме своих замыслов. И все кончилось тем, что она написала рассказ под названием «Радуга». Рассказ получился довольно длинный. Герой – учитель в школе. Школьную жизнь Лиля знала хорошо. Рассказ получился смешной и достоверный. «Радугу» можно было рассказать в двух словах: учитель французского решил целый день говорить то, что думает. Правда была обидная, но ему никто не поверил, потому что в нашем лицемерном обществе никому в голову не придет говорить то, что думаешь.

Лиля понесла рассказ на киностудию «Мосфильм». Редактор объединения, лысый, как апельсин, смотрел на нее ласково, охотно принял рукопись. Читал долго. Месяц. Потом вернул обратно. Сказал, что тема не подходит.

Лиля отнесла в журнал. Редактор – толстый и лысый, как бильярдный шар, – принял рукопись. Рукопись читали три дня. И напечатали.

Рассказ вышел весной. И все изменилось. «Все стало вокруг голубым и зеленым». Приходили письма от читателей, солдат, уголовников. Солдаты и уголовники предлагали руку и сердце.

Раздался звонок из «Мосфильма». Звонил редактор – тот самый апельсин, который не принял рукопись. Сказал, что тема подходит, и предложил заключить договор.

Лиля поняла, что успех – великая вещь. Без поддержки общественного мнения пробиться трудно, практически невозможно. А когда все вокруг восхищаются – это влияет.

Так было с известным цирковым клоуном: он трудился на арене долго и скромно, а потом поехал на гастроли в Германию, там его вознесли до неба, и в Россию он вернулся знаменитым, богатым и востребованным. Нечто похожее произошло и с Лилей. Когда она приходила в писательский клуб, на нее указывали пальцем и говорили: «Вот та самая, которая написала „Радугу“».

Однако славу в полном объеме ей вкусить не удалось. Лилю отвлекла беременность и появление маленькой дочки, которая вся умещалась на двух руках. Это крошечное существо было такое милое и такое зависимое и так манило к себе, что любая слава казалась законченной ерундой. И это справедливо. Главная задача природы – размножение. А творчество – вторых. И даже в-третьих. Без творчества жить можно, а без детей нельзя. Вернее, можно, но жизнь без детей бедна и немножко бессмысленна. Надо в кого-то перетекать.

Лучше, конечно, то и другое: и творчество, и дети. Лиля так и поступила. Растила дочку и писала сценарий для «Мосфильма».

Дочка росла и менялась. Было жалко, что она росла. Лучше бы оставалась маленькой и бесконечно зависимой. Но так не бывает. Она начинала ходить и говорить. У нее появлялась новое очарование. По дому ходило и ползало солнышко, ангел. Дети – это ангелы, и находиться рядом с ангелом – значит, самому быть чище и светлее. Счастье!

Сценарий для «Мосфильма» был написан. Он никуда не годился. Рассказ – это одно. А сценарий – совершенно другой продукт.

Лиля была запрограммирована на прозу. Проза – это слово. А сценарий – картинки. Надо мыслить картинками. Требовалась доработка. Требовался мощный профессионал, который знал, как из этого теста слепить съедобный и желательно качественный пирог.

Мощный профессионал нашелся. Это был... парень – нет, не парень. Мужик... не мужик. Мужчина... слишком обезличенно. Тогда кто? Какой-то инопланетянин – мрачный, молчаливый, ни на кого не похожий. Впалые виски, как у коня. Смуглый, как будто родился в Индии, в каком-нибудь Дели или Бомбее. И глаза оттуда же, из Индии, – большие, бархатные. Кожа на щеках пористая, следы от юношеских прыщей. Красивый? Да нет. Не красивый? Тоже не скажешь. Другой. Как Махатма Ганди.

Работали в его доме. За стеной звучала его семья: мамаша, жена, ребенок, прислуга.

Дом был богатый и духовный. Все стены в книгах.

Лиля была зажата, стеснялась, становилась тупой. Мозги застывали и не двигались. И Ганди тоже не хотел идти навстречу. Молчал, как будто был чем-то недоволен. Лиля боялась, что он не выдержит и скажет: «Все это мура собачья. Я не хочу тратить свое золотое время. Ступайте вон...»

Лиля тихо страдала. Однажды сказала:

– Простите меня.

– За что? – не понял Ганди.

– За мою бездарность.

– И ты меня прости.

– За что?

– За это же самое.

Но внезапно бездарность кончилась. Ганди предложил новый ход. Ввел дополнительного героя, которого не было прежде. Он назывался «третий лишний», и этот лишний потянул за собой сюжет. Все сдвинулось, поехало и покатилося, как телега с горки. Стало весело.

Ганди фантазировал, а Лиля записывала. Время от времени она взрывалась от хохота. Смехом Лиля отвечала на точность. Смешно, когда узнаваемо. А узнаваемо – когда правда. Правда, пропущенная через иронию, вызывала в Лиле восторг.

Ганди вставал со своего места, начинал проигрывать какие-то сцены. Лиля смотрела с восхищением, а он от этих взглядов заряжался дополнительной энергией и становился гениален.

Лиля осознавала: перед ней настоящий талант, многокаратный бриллиант.

Лиле казалось, что без него она уже не сможет работать.

Талант все преображал. Ганди становился красивым, буквально гений чистый красоты. Лиля мысленно падала перед ним ниц, как раба перед фараоном. Он мог пнуть ее сапогом в бок или в лицо, и это было бы счастье. Прикосновение божества.

Ганди – Шурик нового периода. Лиля влюбилась. Ганди оставался равнодушен, и это создавало непреодолимую пропасть. Кто он и кто она?

Лиля сошла с ума. Она думала только о нем, и больше в ней ничего не помещалось. В ее душе не было места ни для семьи, ни для дочки, ни для самой себя. Только Ганди.

Ромочка все это видел и чувствовал – и буквально замерз от ужаса потери. Но молчал. А что тут скажешь? Выжидал.

Ромочка на фоне Ганди как ручеек в сравнении с озером Байкал. И даже меньше. Ромочки просто нет. Он растворился. Стал прозрачен. Лиля смотрела сквозь него и видела перед собой только одного Ганди.

Объективно Ромочка красивее, чем Ганди. Ромочка – стройный, как артист балета, прямой, как стрелочка. А Ганди похож на кота, которого поставили на задние лапы. Зад слегка отклячен.

Лицо у Ганди абсолютно кошачье: высокие скулы, таинственные глаза. Наверное, при прежнем рождении Ганди был котом или пантерой. А может, даже тигром – сильным и опасным.

Ганди – близкий и чужой. О! Могущество мужчины, не идущего в руки.

Однажды Ганди позвал Лилю в кино. С какой стати? Он готовился к собственной картине и искал актрису.

Работа с Лилей – это так... халтура, заработок. Главное для Ганди – свой будущий фильм, его самовыражение. Его неповторимое «я». А Лиля с ее сценарием – просто заполнение паузы. Десять дней доработки, и страница жизни переворачивается, превращается в прошлое.

Ганди хотел посмотреть актрису. Идти в кино одному было скучно. С женой он никуда не ходил, а она и не стремилась. Спрашивается – почему? Ответ прост: ее муж пил. В медицине это называется «зависимость». Ганди (кстати, его настоящее имя было Геннадий) зависел от спиртного больше, чем ото всего остального, и от женщины в том числе. Зеленый змий – вот главный соблазн.

Семья скрывала этот порок, но все тайное становится явным. Шила в мешке не утаишь – так гласит народная мудрость. А народ знает, что говорит.

Зависимость Ганди наряду с большим неудобством несла в себе и позитивное начало, а именно: являлось прочным союзником жены, гарантом их брака. Пьющий мужик – бракованный товар, как помидор с гнилым боком. Куда его приспособить? Разве только в борщ.

Лиля ничего этого не знала. Откуда? При ней он не напивался. Просто был мрачен. Его мучила предалкогольная депрессия. Эту депрессию Лиля принимала за недоступность. А если бы даже и знала, она простила бы ему все. Сколь тяжелые достоинства, столь тяжелые недостатки.

У каждого из действующих лиц была своя жизнь.

Жена была погружена в семилетнего сына, больше ее ничего не интересовало. Своего мужа она знала как облупленного. Ей не надо было его завоевывать и отвоевывать.

Ганди был погружен в профессию.

Лиля – в Ганди.

Встретились возле кинотеатра. На Ганди был светлый габардиновый плащ. Лиля ослепла от его красоты. Искренне спросила:

– А почему вы позвали меня? У вас должна быть фотомодель...

– Я тебя не как фитюльку пригласил, а как представителя литературных кругов.

Прошли в зал. Сели. Лиля косит глазом в его сторону. Он рядом – и при этом далек и мрачен. Его мучает предалкогольная депрессия.

– Вы на что-то сердитесь? – проверила Лиля.

– Нет. С какой стати?

– Вы напряжены.

– Я побаиваюсь, – сознался Ганди.

Лиля неожиданно для себя обнимает его за шею и начинает целовать в ухо, в голову. Голова жесткая, как ей и положено. Кость. Он щурится, как будто на него падают холодные капли.

Свет гаснет. Лиля садится прямо, чтобы не мешать Ганди. Но все меняется вокруг. Жизнь меняется. Внутри Лили звучит музыка, хорал. И вся она – музыка.

Подкатило лето. Семья Ганди уехала к морю. Жена Ганди планировала прогреть ребенка на южном солнце. Меж тем у Ганди день рождения. Он приглашает гостей.

Лиля помогает накрыть стол. Потом сидит среди приглашенных. Гости – режиссеры, актеры, люди класса «А». Они прекрасно знают семью Ганди, его жену и не совсем понимают: что здесь делает эта молодая сценаристка, принаряженная и причесанная? Что она здесь забыла и как не стыдно? А Лиля смотрит победным взором как ни в чем не бывало. Фараон пригласил ее в ближний круг. Какие еще могут быть сомнения? Никаких. Только почет и высокая самооценка.

Ганди пьет и напивается. Начинает танцевать. Танцует плохо. Не умеет. И фигура не соответствует.

Лиля легко прощает этот недостаток. Что-то человек может не уметь. Ему дано так много: он создает свой мир, как Господь Бог. Создает из ничего, с чистого листа. Большой взрыв – и вот на страницах целая вселенная. Кто еще так может?

За столом – творцы. Казалось бы, все немножко боги, но никто не догоняет Ганди. Ни у кого нет таких глаз, такого голоса, такого волшебного запаха. От Ганди пахнет дождем и радугой. Чем еще может пахнуть Господь Бог?

Потом все расходятся, а Лиля остается. Она укладывает его на узкую кушетку. И сама ложится рядом.

Почему кушетка? В доме много широких кроватей. Просто Ганди привык к кушетке.

Лиля ложится рядом. Тесно, как в поезде на боковой полке. И ничего не происходит, потому что Ганди пьяный и не соображает: где он? с кем? кто рядом?

А Лиля умирает от счастья. Он вытянулся во всю длину. Горячий. Благоуханный. Его можно касаться губами. Можно обнять и вознестись на седьмое небо.

И она обнимает и возносится. А дома никто не спит. Ромочка сходит с ума. Куда делась Лиля? Может быть, ее сбила машина? Может быть, она умирает в больнице? Никогда не было такого, чтобы она ушла и пропала. Сволочь, и больше никто.

За окном светает. Лиля понимает, что она сволочь, и больше никто.

Поднялась с грешного ложа. Можно сказать, безгрешного, но тем не менее – грешного, потому что она не думала о других, а только о себе и своем чувстве.

Если бы Ганди проснулся и сказал: «Останься со мной навсегда», тогда можно было бы не двоиться, жить в одной реальности, а не в двух, как сейчас. Но Ганди ничего не сказал и не собирался. Он вообще забыл: что было накануне. Запой, как цунами, захлестывал мозги.

Лиля ушла от него рано утром. Оставила записку: «Возлюбленный, как никакой другой возлюбленным уж быть не может».

Это были слова Бунина, но они в точности совпадали с ее чувствами. Иначе не скажешь.

Вода камень точит. Ганди привык к ее блестящим глазам, к ее восхищенному громкому смеху. Этот смех означал: гениально! Когда кто-то в тебя верит, ты и сам начинаешь верить в себя. А это необходимо творческому человеку, тем более пьющему, неуверенному в завтрашнем дне.

Лиля буквально заболела Ганди. Она засыпала и просыпалась с его именем. Раньше ей казалось, что это фигура речи, но оказывается, так и есть на самом деле.

Вокруг нее шла жизнь семьи, росла дочка, но Лиля не присутствовала в жизни близких.

Любовь – это болезнь. Ненормальное состояние организма. И как всякая болезнь, видоизменяет поведение.

Лиля часто плакала без причины. Иногда начинала плакать в своем доме во время ужина, а Ромочка смотрел в окно и делал вид, что ничего не происходит. Он боялся задавать вопросы. Точнее, он боялся ответов Лили, после которых ему ничего не останется, как только встать и уйти.

Он не хотел жить без своей дочери и не хотел, чтобы дочь оставалась без него на попечении матери, которая абсолютно сошла с резьбы. Ей море по колено.

Ромочка понимал, что его жена – не обычная, как мелкая карта в колоде. Она – с козырями, и ей дано больше, чем другим. И Ромочка прощал ей это «больше».

Мужское самолюбие – миф. Главное – остаться вместе любой ценой. Настоящая любовь – это прежде всего ответственность. Ромочка готов был переступить через себя, но не через своих.

Любовь набирала обороты. Лиля ждала перемены участи, но «фигули на рогули», как говорила ее маленькая дочка.

Ганди молчал с неприступным видом. Его лицо становилось величественным, как оттиск медали.

Лиля и Ганди являли собой композицию: мяч и стена. Чем сильнее бил мяч о стену, тем дальше отскакивал.

На этом фоне они продолжали свою работу, и сценарий получался замечательный, смешной и стремительный. Лиля привыкла понимать Ганди не только по произнесенным словам, но и по взмаху его ресниц. Она научилась читать его мысли. Они совпадали, как правильно подобранный ключ к замку: легкий поворот, и дверь раскрыта. Дверь куда? В придуманный мир – яркий, прозрачный и добрый.

Фильм, который они сочиняли, обещал быть долгоиграющим, то есть не стареющим. Так оно и получилось.

Лиля и Ганди не были расписаны в загсе, но они были расписаны на большом экране. Их фамилии стояли рядом. СО-авторы. Разве это мало? Браков на земле сколько угодно. Пошел в загс и расписался. А творческие браки, настоящее соавторство – редкость. Один на тысячу. И даже реже.

Фильм вышел и имел успех.

Поехали на премьеру в Ленинград. После просмотра – банкет.

Банкет окончился. Все разошлись, кроме Ганди. Ганди не мог встать со стула. Он находился в алкогольной отключке, и что с этим делать, Лиля не понимала.

Нужно было как-то переправить его в гостиницу и уложить спать. Но как переправить?

Лиля потянула его со стула. Ганди был тяжелый, килограммов восемьдесят, как мешок с картошкой.

Подошел официант – довольно спортивный парень – и выволок Ганди из зала, держа за подмышки. Его ноги волочились по паркету, «как два завядших гладиолуса». Выражение одного пьющего писателя. Он понимал в этом толк.

Официант вынес груз на улицу и положил на крыльцо. Его ждала работа.

Лиля осталась рядом со спящим Ганди. Дул ветер. На Лиле был красивый модный плащик, но легкий, практически летний.

Ветер продувал ее до костей. Рядом – любимый человек. Не защитник. И не помощник. Нагрузка, при этом неподъемная: восемьдесят килограммов. Но любовь...

Самая большая нагрузка – это отсутствие любви.

Лиля остановила такси и попросила шофера загрузить тело в машину.

Шофер хотел запросить двойную цену, но постеснялся. Ему стало жалко молодую Лилу, посиневшую от холода.

Таксист – крепкий мужик. Ввалил Ганди на плечо и отнес в машину. Положил на заднее сиденье.

Лиля села рядом с шофером. Поехали.

– Это муж твой? – спросил таксист.

- Нет.
- А кто?
- Соавтор.
- Кто? – не понял таксист.
- Коллега. Работаем вместе.
- Сожитель, что ли? – догадался шофер.
- Типа того...
- А жена у него есть? – поинтересовался шофер.
- Есть.
- Так пусть она и возится.
- Она и возится, – сказала Лиля.
- А ты при чем?
- А я в промежутках.
- Дура ты, – сказал таксист. – Извини за грубость. Брось его. Не ломай свою жизнь.
- Он хороший, – возразила Лиля.
- Водка любое поле перепашет. Беги от него, как в атаку. Он бракованный. Понимаешь?
- А вы откуда знаете?
- Знаю, раз говорю.
- Легко сказать: беги. А если без него не дышится? А если без него земля пуста...

Но и с ним как на льдине. Льдина треснула, половинки разъезжаются. Стоишь враскоряку. Одна нога на одной льдине, вторая – на другой. Трещина расширяется. Надо перебраться на одну льдину, но на какую? Ганди не зовет. Ромочка выжидает. Можно бросить одного и другого и уйти в никуда. Это все равно что провалиться между льдинами и оказаться в жгуче холодной пучине.

Алкоголизм – это заболевание, такое же, как любое другое, как диабет например. Но диабет протекает незаметно для окружающих. Страдает только сам больной. А алкоголизм именно ложится на окружающих. Сам больной не страдает. Ему хорошо. И в этом большое неудобство, мягко говоря.

Начало запоя у Ганди было восхитительным. Он хотел говорить. Был блестящ. Его тянуло на поиск истины.

Однажды Лиля оказалась с Ганди на банкете. Банкет давал молодой режиссер Пименов. Это была его первая картина, вполне успешная. Фильм получил первую категорию.

В разгар веселья Пименов неосторожно подошел к Ганди с бокалом, приветствуя мэтра. Он сказал:

– Вы – моя путеводная звезда, – ожидая услышать нечто державинское, типа «победителю-ученику».

Но Ганди произнес прямо противоположное. Он сказал:

– Ты еще снимать не научился, а врать уже научился.

Все поперхнулись. Пименов стал красный как помидор. Вся кровь хлынула в его голову.

– Ну почему же? – не согласился Пименов. – Общественность одобряет.

– Общественность врет, – отрубил Ганди.

В руках гостей застыли вилки. Они не понимали: есть им дальше или положить приборы и уйти, поскольку гости – это та самая общественность, которую оскорбил правдолюбец Ганди.

Лиля оторопела. Ганди – прав. В фильме было что-то тошнотворно фальшивое, при этом смотрелся он хорошо. Оторваться невозможно. Но когда фильм кончался и зажигался свет, становилось противно. Так бывает после соития с нелюбимым человеком: пока в процессе – захватывает, а когда наступает финал и приходит осознание – стыдно.

Гости все-таки донесли вилки до рта. Они продолжили праздник – ели и пили. Вокруг – все свои, еда и питье – главное удовольствие жизни. Праздник для того и существует, чтобы человек расслабился и разрядился.

Все расслабились и разрядились, а Пименов ушел в туалет и там плакал. А потом мыл лицо под краном.

На другой день Лиля пришла к Ганди для работы, как обычно. Ганди только что продрал глаза.

– Я вчера ничего себе не позволил? – проверил он, испуганно глядя на Лилю.

– Позволил. Сказал Пименову, что он бездарь и продажная тварь.

– Врешь, – испугался Ганди.

Лилия пожала плечами.

– Дай мне телефон.

Лилия принесла телефон. Ганди открыл записную книжку, набрал номер Пименова. Подождал. Потом произнес:

– Я звоню извиниться. Я вчера немного нахамил, пьяный был.

Пименов молчал.

– Ты меня узнал? – проверил Ганди.

– Узнал, – сухо ответил Пименов. – Ты нахамил при всех, а извиняешься один на один. Ухо в ухо. Ты должен публично извиниться и взять свои слова назад.

– А как я публично извинюсь? – не понял Ганди. – Что, собрание собирать?

– Как хочешь.

– Пошел ты на хер, – сказал Ганди и положил трубку.

– Извинился, называется, – отреагировала Лилия.

– А что, я не прав? Нельзя сказать то, что я думаю?

– Можно, но не при всех.

Ганди расстроился. Он был хорошо воспитан и понимал, что унижить человека прилюдно – неприемлемо. Однако пьяный не ведает, что творит. Мозги отравлены.

Ганди мучился угрызениями совести после каждого запоя и каждого безобразия. Но постепенно привык. Как говорится, человек не собака, ко всему привыкает. Человек должен как-то выживать. Выживать – значит, быть правым. Кто не прав – тому нет места среди равных. Ганди постепенно нащупал удобную позицию. Позиция была такова: ну и что? Обидел человека – ну и что? Никто не умер. Все живы.

Заснул лицом в салате – ну и что? Проснулся же в конце концов, умылся. Кому-то это не нравится. Ну и что? Надо быть шире. Жизнь многообразна.

Лилия прощала ему все. Ганди – Моцарт. Кто сейчас помнит недостатки Моцарта? Может, он тоже пил и мочился мимо унитаза... Главное же не это, а его Реквием. Главное – то, что остается после человека.

Время смывает всех, до одного. А Реквием будет звучать всегда и сотрясать душу до основания.

В выходные дни Лилия и Ромочка брали дочку и ездили к его родителям. Там их кормили, любили. Было тепло и определено.

Лилия скучала, переживала. Ее жизнь питалась совершенно другими впечатлениями. Но во время этих визитов ее нервы переставали звенеть от напряжения. Как будто она спряталась в окоп во время перестрелки. Хорошо. Не убьют. Еще можно пожить.

Дочка каталась из рук в руки, от отца к бабушке, потом к дедушке, и везде ей было весело и защищено.

Лиля догадывалась задним умом: любовь – это не только страсть. Это еще и ответственность за другого. А какая ответственность у Ганди за чужую дочку? Он зависит только от водки. Значит, Лиля будет зависеть от его зависимости.

Ромочка был грустен. И молчал. Лиля тоже не выясняла отношений. А что говорить? Выбор не было. Ей предложения не делали. Замуж не звали. Разлюбить она не могла.

Ганди приступил к своему долгожданному фильму. Пригласил Лилю в соавторы. Лыдины под ногами медленно, но верно начали съезжаться. Лиля боялась поверить в свое счастье.

Ганди уже не мог обходиться без Лили. Она не выходила у него из головы.

Свою жену Валью он стал называть «Лиля». Валя злилась и спрашивала:

– Ты что, влюбился?

– Пройдет, наверное, – неопределенно отвечал Ганди.

Он боялся, что это пройдет. И его пугала перемена участи. Разрушить легко – а дальше что?

Стали встречаться помимо работы. Однажды договорились встретиться возле памятника знаменитому поэту.

Лиля приехала на Пушкинскую площадь и ждала возле памятника Пушкину. Она очень удивилась тому, что Ганди опаздывает. Он никогда не опаздывал. Для него это было принципиально. Точность – вежливость не только королей, но и всех воспитанных людей, уважающих чужое время.

Ганди тем временем ждал Лилю возле памятника Маяковскому. Они, видимо, не уточнили место свидания, или кто-то из них перепутал.

Ганди стоял час. Он не верил, что Лиля может не прийти. Это совершенно невозможно. А вдруг возможно? Кто он и кто она? Она – талантливая, молодая, полноценная. А он – бракованный, бесперспективный мужик. Владеет профессией, но жизнь – больше чем профессия. Профессия – составная часть жизни.

Однажды в хорошую минуту Лиля сказала ему:

– Ты – моя родниковая водичка.

– Я твое пиво прокисшее, – ответил Ганди.

Она засмеялась, решила, что он шутит. А он не шутил.

Стоя у памятника, Лиля решила, что Ганди попал в аварию. Только в этом случае он мог не появиться. Она поехала домой и, стоя перед дверью своей квартиры, услышала беспрерывные телефонные звонки. И поняла: это он. Узнала его по звонкам.

Когда любишь, по-другому ходишь, полметра над землей, паришь. По-другому смотришь, по-другому видишь. Другая химия.

Однажды гуляли по арбатским переулкам, зашли в кафе. Хотелось есть.

Заказали плов. Им подали заказ. Плов невозможно было взять в рот. Очевидно, что плов был приготовлен месяц назад, и, чтобы не испортился, повар насыпал в него пачку крупной соли.

Лиля и Ганди в растерянности сидели над тарелками.

Официант узнал Ганди, помчался к заведующему. Доложил, что в зале уважаемое лицо. Назвал фамилию. Заведующий тут же приказал подать деликатес: бараньи яйца. Это блюдо предназначалось для гостей класса «А».

Официант вынес и поставил перед Ганди и Лилей нечто непонятное, горячее, благоухающее кавказскими травами.

Ганди и раньше ел бараньи яйца, а Лиля в первый раз. Ни на что не похоже, но очень вкусно.

Деньги официант не взял. Заведующий вышел в зал, поприветствовал Ганди лично.

Лиля стояла рядом, исполненная гордости. В памяти невольно всплывал великолепный Шурик, который хлопнул перед ее носом дверью, отсекая себя и свой мир, искрящийся золотом. А Лиля осталась тогда на темной лестнице, пахнущей мочой.

А сейчас она на сцене, на возвышении, и ее возвышают. И это только начало.

Работать отправились в Сочи. Решили совместить полезное с приятным. Жена Валя не скандалила. Единственное, попросила мужа: «Гена, живи как хочешь, только не разводишься».

Ганди промолчал. Принял к сведению, но ничего не обещал. Любовь – штука жестокая и беспощадная. Она никого и ничего не учитывает.

Ожидая посадки, взяли кофе с булочкой. Стояли за столиком друг против друга. Лиля смотрела на Ганди и слепла. Глаза жгло от его красоты. Невысокий, слегка рябой, с фигурой, как у кота, которого поставили на задние лапы. Казалось бы, ничего особенного. Но как прекрасен, как уникален ее Моцарт. Вот он – ее суженый, посланный судьбой. Суженый – от слова «судьба».

Самолет стал набирать высоту. Под ногами ощущалась пустота, пропасть. Лиля вцепилась в руку Ганди. Страшно. Говорят, взлеты и посадки особенно опасны. Но вот самолет спружинил, как будто под крылья подложили воздушные подушки. Все. Теперь не упадет.

Впереди солнце и свобода.

Лето в самом начале, и южное солнце не мучило.

Лиля и Ганди работали через пень-колоду. Вседозволенность отвлекала.

Потом, через много лет, когда активная фаза жизни останется позади, станет ясно, что эти дни – самые счастливые в их долгой и разнообразной жизни.

Вечером ходили в прибрежный ресторан. Ели перепелок. Играл маленький оркестр. Посетители танцевали. И среди танцующих – молодой парень в ковбойской шляпе, надвинутой на брови. Он двигался дурашливо, очень талантливо.

Солистка оркестра – девушка, совершенно не похожая на солистку, скорее, старшая школьница из хорошей семьи. Девушка пела прозрачным голосом, парень танцевал, и ото всего веяло молодостью и чистотой.

У Ганди бархатные глаза. Не черные, нет. Глубокий коричневый цвет. В глазах затаенный огонь. Это – гениальность плюс мужская энергия, и весь воздух пропитан этой энергией. Счастье.

Составные счастья: лицо напротив и покой. Покой – это когда больше ничего не хочешь, кроме того, что есть. Так есть и так будет. Сейчас и навсегда.

Покой довольно скоро растаял, потому что явился запой. Явился не запылится.

Ганди пил всю ночь с перерывами на сон. Вернее, на отключку. Выпьет и проваливается. Так продолжалось до утра.

Утром он обнаружил, что спиртное кончилось, и собрался в магазин. Лиля не задерживала. Это бесполезно. Она могла бы пойти с ним вместе, но эта экскурсия была ей отвратительна.

Очередь из алкоголиков напоминала стадо крыс: все нацеленные, молчаливые и в сером.

Ганди ушел самостоятельно и довольно скоро вернулся. Не один, а в компании. Рядом с ним – здоровый маргинал в суконном берете. Он обнимал трехлитровую банку с солеными огурцами, прижав ее к животу.

Ганди вынул из портфеля три бутылки водки и пакет арахиса.

Лиля стало ясно: Ганди познакомился с мужиком в очереди и пригласил с собой, чтобы не пить в одиночку. Для компании.

Они сели друг против друга за журнальный столик. Открыли банку с огурцами. Приготовили стаканы.

Нужен был тост. Ганди взял слово. Он говорил хорошо и интересно. Тема – вполне философская: о смысле жизни, о задачах природы. О том, куда девается сознание после смерти и зачем вообще нужна смерть. В основном для того, чтобы освободить поляну для следующих поколений. Ад – это муки совести. А рай – это полная гармония с собой. Легче всего добиться гармонии верующему человеку. Вера нужна не для того света, а для этого.

Маргинал слушал внимательно, подавшись вперед. Похоже, что он никогда раньше не беседовал с таким образованным и интересным человеком.

Выпили по стакану.

Далее тост взял маргинал. Он сказал, что его зовут Валик, что он вор с вкраплениями мокрухи. Поведал, что ему тридцать лет, из которых десять он провел на зоне. Неделю назад вышел из тюрьмы. Не работает и не будет. Настоящий вор никогда не опустится до работы.

– А кормить кто будет? – спросил Ганди.

– Так украду, – объяснил Валик.

Выпили еще по стакану. Беседа продолжалась.

Лиля не слушала, с отвращением смотрела на Валика. Он был весь грязный, засаленный, тупой, но изначально красивый, с синими глазами и тонким сухим ртом. Если бы его отмыть и одеть... нет, ничего бы не вышло. Все равно зверь – грязный, вонючий и беспощадный. Как медведь после спячки. Что он делает в их номере? Как получилось, что Ганди его притащил? Совсем отшибло мозги.

Лиля злилась, но не знала что делать. Маргинал – гость Ганди и находился под его защитой.

Это гостеприимство продолжалось недолго. Ганди заснул, сидя в кресле, уронив голову на грудь.

Маргинал держался. Скорее всего, он не был алкоголик. Просто пьянь и рвань.

Лишившись компании, Валик стал пить один. Он налил себе стакан. Опрокинул в рот. И наполнил следующий.

Лиля стояла против него и смотрела с отвращением.

– Вон отсюда! – приказала Лиля.

Валик тупо уставился на нее.

– Вон, тебе говорят!

Валик стал медленно приподниматься с кресла, не сводя с нее своих преступных глаз.

Лиля испугалась, попятилась к двери.

Валик встал и медленно двинулся на нее упругими кошачьими шагами. Лиля поняла, что сейчас произойдет насилие с вкраплением мокрухи. Уголовников тянет на преступление. Преступление – своего рода наркотик. Хочется еще и еще.

Лиля выскочила за дверь и побежала по коридору гостиницы. Коридор был длинный. Она слышала за собой тяжелый топот тридцатилетнего уголовника.

Лиля выскочила на улицу. Помчалась вокруг гостиницы. Валик был спортивнее, чем она. Легко догнал, потянул к гостиничному корпусу – там росли густые кусты и люди не ходили. Валик сделал подсечку под ноги. Лиля упала. Хотела заорать, но он стянул с головы свой суконный берет и стал засовывать ей в рот.

Лиля завозила ногами по земле. Из ее глотки выхлестнулся задавленный крик.

– Что-то здесь происходит... – донеслось с дороги.

Валик выпрямился и побежал прочь. Он убежал, как зверь, широкими прыжками. Он и был зверь.

Лиля поднялась. Возле нее стоял крепкий спортивный парень. Это он спугнул Валика. Парень с удивлением смотрел на Лилю с заткнутым ртом.

Лиля вытащила изо рта берет, откинула в сторону. Ей стало плохо. Она отвернулась к стене, и ее стошнило. Буквально вывернуло.

Спортивный парень не уходил.

– Спасибо, – сказала Лиля. – Все в порядке.

– Давайте я вас провожу, – предложил парень.

– Нет. Мне близко. Не надо.

Лиля направилась в гостиницу и остановилась. А вдруг Валик вернется? Он ведь запомнил номер. В номере еще осталась водка и огурцы. Что же делать? Лиля стояла в нерешительности. Ее рот был мокрым, она вытерла губы подолом платья. Увидела себя со стороны: лохматая, заблеванная, как уличная девка. Она боится идти в номер и боится стоять на улице. Остается только провалиться сквозь землю. Как могло случиться, что она, такая тонкая, такая бесценная, дочка своей мамы и мама своей дочки, – как она оказалась в чужом городе, в гостинице, похожей на вокзал, едва не изнасилованная уголовником? А ведь у него мог быть туберкулез и сифилис. Тюрьма – не партийный санаторий. Они там все инфицированные...

Как могло случиться такое? Это плата за успех. Но что за успех? Бараньи яйца плюс три секунды на экране. Три секунды будет стоять ее фамилия. И это все. Никто даже не прочитает, а если и прочитают – не запомнят. Знают артистов, а сценаристов не знает никто. Сценарист остается за кадром.

Плата за любовь? Но что это за любовь, когда мужчина не отвечает за свою женщину? И даже наоборот – подставляет ее. А их отношения – сплошная подстава.

Ганди – уникален. Это правда. Но и ее жизнь – тоже уникальна. У Ганди мозги отравлены алкоголем. Но у нее, у Лили, мозги на месте. И если за нее никто не отвечает, значит, она сама должна отвечать за себя.

Дежурная сопровождала Лилю, открыла дверь своим ключом. Они обе замерли на пороге. В номере был беспорядок, который не назовешь беспорядком. Тяжелый бардак, тяжелый специфический запах, – запах утраченных иллюзий. И на самом дне этих иллюзий сидел несчастный Ганди, он же Гена Курочкин, отключенный от действительности. Ему было все равно. А когда очнется – не вспомнит. А если вспомнит, подумает: «Ну и что?»

Ночным рейсом Лиля прилетела в Москву. Открыла дверь своим ключом. Все спали, каждый на своем месте.

Лиля пошла на кухню, чтобы не топать. Поставила чайник.

В окне висела луна, похожая на череп. Кратеры напоминали углубления для глаз.

Что такое Луна? Пустая планета без воздуха. Только пыль. Жить на ней нельзя. Зачем она нужна вообще? А оказывается, нужна. Согласно закону гравитации, Луна удерживает Землю на своей оси. Если Луну выщипнуть с неба, то Земля сорвется с оси и полетит в тартарары. А пока Луна на месте, то и Земля на месте.

Так и Ромочка. Какой от него толк? Фильмов не ставит, денег не зарабатывает, анекдотов не рассказывает. Просто любит. А это и есть закон гравитации. Без него Лиля полетела бы в тартарары. А с ним – все на своем месте и все при ней: дом, семья, профессия. Можно жить дальше.

Лиля хотела бы на елку влезть и зад не ободрать. Но так не получается. Надо понять, что дороже: зад или высота?

Лиля выпила чай и пошла спать. Легла в своей комнате, чтобы никого не будить. Луна и тут подглядывала за Лилей своим черепом, но было не страшно.

Колышется легкая занавеска. Ничего, что напоминало бы о прошлом: ни Валика, ни гостиничного номера, ни шелухи от арахиса. Ничего и никого. А было ли все это?

Лиля как будто пребывала в отключке, а теперь очнулась и ничего не помнит: что было, чего не было... Что-то было, конечно... Ну и что?

Дом Павла Антокольского

Рядом со мной через забор стоит дом поэта Павла Антокольского. Он ушел из жизни в 1978 году. Я его помню живым и старым. Я встречала его в Доме литераторов в Дубовом зале, где собирались советские писатели, пировали, общались, искали истину в вине.

Сейчас все помещения превращены в частные кафе и рестораны. Дубовый зал принадлежит какому-то богатею. Человеку со средним достатком туда не сунуться. Дом литераторов перестал существовать исключительно для писателей. Кто может заплатить, тот и приходит, и рассаживается. Были бы деньги. Тоска.

Я вспоминаю прежний Дубовый зал, наполненный яркими, нетрезвыми творцами.

Писатели-деревенщики: Носов, Астафьев, Белов и другие. Городские писатели: Трифонов, Нагибин, Катаев, Антонов – они пишут городскую интеллектуальную прозу, в отличие от деревенщиков, которые стонут по утраченной деревне.

В углу под лестницей за уютным столиком сидит восьмидесятилетний Павел Антокольский – маленький, сухой, смуглая лысина, вытаращенные глаза. Он похож на сумасшедшего муравья. В нем полно энергии, любопытства к жизни. Вокруг молодые поэтессы. Кипит обоюдный интерес, отнюдь не платонический.

Павел Григорьевич не сумел состариться. Энергии на две, а то и на три жизни.

На дворе стоял 1975 год. Жизни Павлу Григорьевичу оставалось на три года. Я застала его финал. А ведь было и начало...

Павел Антокольский родился в Петербурге в семье помощника присяжного поверенного. Его отец Григорий Моисеевич работал в частных фирмах, позже служил в советских учреждениях. Семья жила в городе Вильно, а в 1904 году переехала в Москву.

Павел учился на юридическом факультете МГУ, но не закончил. Его потянуло в искусство. Зов судьбы был мощным.

Печататься начал в 1918 году. В 1919 году стал работать режиссером в драматической студии под руководством Вахтангова. Там он застрял на пятнадцать лет и много сделал для студии. Пробовал даже стать актером, но актер из него не получился. Он излишне старался, переигрывал, лез из кожи вон. Как говорят поляки, «цо занадто, то не здорово». «Что слишком, то не хорошо». Павлик не стал настаивать на актерстве, ушел в литературный рукав своего таланта: написал три пьесы для студии, сделал инсценировку романа Герберта Уэллса «Когда спящий проснется».

В студии Вахтангова Павел знакомится со своей первой женой Натальей Щегловой.

Наталья Николаевна – из богатой помещицкой семьи. Имение Щегловых под названием Ключищи находилось под Нижним Новгородом. Революция razорила Щегловых. В имении стало неуютно. Юная Наташа устремилась в Москву. Ее тоже потянуло в искусство.

У Наташи рано прорезались математические способности, но она их игнорировала. Ей хотелось творчества и аплодисментов. Она отправилась в студию Вахтангова.

Вот как вспоминает об этом периоде сама Наталья Щеглова...

«Помню, как я первый раз пришла в студию. Она помещалась на Остоженке в небольшом двухэтажном особняке. Он и теперь стоит. От входной двери на второй этаж тянулся шнурок, и, когда в дверь звонили, кто-нибудь из студийцев наверху тянул за этот шнурок, и дверь как бы сама собой открывалась. Но в этот день что-то заело, замок не сработал, и я услышала быстрые-быстрые шаги сверху вниз по лестнице. Дверь открылась, и я увидела перед собой юношу, почти мальчика, маленького роста, с горящими, какими-то жадными глазами. Это был Павлик Антокольский. Он ввел меня в студию, со всеми познакомил, а потом стал показывать

помещение с таким восторгом, как будто это царские хоромы, хотя там была всего одна комната метров тридцати. Часть комнаты отгорожена для сцены. Все.

Мы как-то сразу с ним подружились, а уже через три недели он предложил мне руку и сердце. Но я тогда не хотела и думать о замужестве. Ни за что! Никаких детей! Хотела быть только артисткой. И мы продолжали с ним просто дружить. А он был такой очаровательный, с ним нельзя было не дружить. Внешне рядом с красавцем Юрой Завадским он, конечно, проигрывал. Но обаяние было такое, что не замечались его недостатки. Его все любили».

Воспоминания записала замечательная писательница Анна Масс, соседка Антокольского.

Юрий Завадский как-то сказал о себе: «Когда я постарею, то стану лысый, с круглым бабьим лицом». Именно так и оказалось. Мое поколение не помнит Завадского молодым, а именно лысым, с круглым бабьим лицом. И немножко непонятно – почему в него, молодого, так влюблялись женщины, включая Марину Цветаеву.

Наташа Щеглова оказалась влюбчивой. Она влюблялась, и в нее соответственно. Однажды после какой-то вечеринки в студии за ней увязался сын Станиславского Игорь Алексеев. Наташа не могла от него отделаться. Игорь остался ночевать в доме Наташи, не пришел домой. У Станиславских паника. Ребенок исчез. Кончилось тем, что Вахтангов объявил Щегловой письменный выговор за нарушение этики. Наташа была совершенно ни при чем. Никакой этики она не нарушала. Спала совершенно автономно. И даже не знала, что Игорь у нее остался и где-то завалился спать, возможно, в чулане.

Тем не менее с Игорем она подружилась, бывала в доме у Станиславских.

Однажды Наташа воочию увидела театрального реформатора. Константин Сергеевич налил себе чай в стакан, положил сахар и стал размешивать ложечкой. И очень долго не пил. Просто сидел и размешивал. И это все. Вот и все воспоминания о выдающемся человеке: она ждет глотка, а он сидит и размешивает, и ложечка ударяется о стенки стакана.

Наташа Щеглова, Юрий Завадский и Павлик Антокольский чудно дружили. Павлик читал свои стихи, Наташа искренне восхищалась. Ничто не нарушало равновесия отношений. Как вдруг... Появился Володя Алексеев. Он был просто однофамилец с Игорем. Никакого отношения к Станиславским не имел. Это было не важно – чей он родственник. Важно то, что у Наташи снесло крышу, как сейчас говорят. У них с Володией начался настоящий роман. Да и пора. Возраст любви.

На Рождество Наташа пригласила Володю и Павлика в свое имение Ключищи. Володя был прекрасен, глаз не оторвать. Блондин с серыми глазами. Павлик рядом с ним терялся, как домашний кот рядом с уссурийским тигром.

Они часто сидели втроем перед камином. Павлик – справа, Володя – слева. Наташа в центре. Оба претендовали на внимание Наташи, но у Павлика не было ни единого шанса. Все внимание Наташи принадлежало Володе.

Вернулись в Москву. Володя сделал Наташе предложение. Наташа раскрыла рот, чтобы сказать «да», но в это время позвонили в дверь. Володя вышел. Его долго не было, а когда он вернулся, Наташа поняла по его лицу: что-то случилось.

Володя сказал:

– Наташа, извините меня, я должен сейчас же уехать.

Он уехал. И с концами. Больше его Наташа не видела никогда.

Что она могла думать? Его убили? Время было такое, что ничего нельзя исключить.

Второй вариант: он ее бросил. Страхнул с руки, как перчатку. Думать так было невыносимо. Девичья гордость, тоска по любимому, разбитые мечты – все это разрывало сердце.

Переживать одной – тягостно вдвойне. А верный Павлик таскался за ней как хвостик. И однажды, в порыве признательности, Наташа произнесла:

– Павлик, давай поженимся.

Он ахнул, потом повернулся и убежал. Не мог справиться с волнением. Счастье буквально обрушилось на него и могло придавить до смерти.

На следующий день Наташу вызвала к себе мама Павлика. Ее звали Ольга Павловна. Она была большая, седая и величественная, как императрица. Рядом с ней сидел отец Павлика, тоже большой, толстый, корпулентный.

Ольга Павловна сказала:

– Наташа! В нашей семье все однолюбы. У вас, я слышала, было много романов. Наташа, Павлик так любит вас. Не погубите его!

Наташа выслушала и подумала: нет! Никогда она не изменит Павлику. И если вернется Володя, она этого Володю не захочет знать.

Назначили свадьбу. Свадьба была роскошной: пироги с кислой капустой из черной муки, селедочные хвосты, пшенная запеканка.

Жили в бедности, которую сейчас трудно себе представить. Отец Павлика был адвокат, но такой специалист, который не выиграл ни одного дела. Он брал только аванс, а потом все это как-то заминалось. В доме было пусто. Ни денег, ни еды.

Наташа спрашивала у свекрови:

– А что мы завтра будем есть?

– Будет день, будет пища, – неопределенно отвечала Ольга Павловна. Она и сама не знала: что они будут есть. Императрица, называется...

Павлик носил пальто своего отца, который был крупнее его в четыре раза. Пальто на красной подкладке. Эта подкладка просвечивала сквозь многочисленные дыры. Казалось, что просвечивает окровавленное тело.

Однажды Павлик заработал мешок картошки. Он раздобыл санки и приволок в дом этот мешок. При этом был горд, как добытчик, кормилец семьи. Настоящий мужчина. На другое утро обнаружилось, что под мешком лужа. Картошка оказалась мороженая. Она текла и воняла. Пришлось отдать весь мешок какому-то солдату, кормить лошадь. Но и лошадь не захотела есть.

Жили ужасающе бедно, но не замечали этого. Тогда все так жили, и ничего.

Однажды Павлик привез кусок замороженного мяса, а когда оно оттаяло, выяснилось, что мясо тухлое. Наташа решила его выкинуть, но Павлик не позволил. Он сказал: «Наделай котлет, я очень голодный». Наташа подчинилась и налепила кучу котлет. Павлик все их сожрал один, и с ним ничего не случилось. Молодой организм перемолол все.

Вскоре после свадьбы Наташа забеременела. Беременность протекала тяжело, но все имеет свой срок, начались схватки.

Этот судьбоносный момент подвиг Павлика на стихотворение.

Не тьма за окном подымалась,
не время над временем стлалось —
Из мрака растущее тельце несли
пеленать в паруса.

И так далее, в том же возвышенном духе.

У Наташи схватки участились. Необходимо было ехать в родильный дом, но Павлик сказал:

– Подожди, я должен сбегать в студию и прочитать эту оду Завадскому.

И убежал. Так что в клинику Наташу отвезли посторонние люди.

Наташа все прощала. Она понимала, что творчество – основной инстинкт Павлика, а все остальное вторично. Лично я считаю иначе, но речь не обо мне.

Родилась девочка, очень смешная, курносая. Павлик увидел ее и сказал:

– Это не ребенок, а какая-то кипса.

Так и стали называть девочку – Кипса. Прозвище закрепилось за ней, и никто уже не помнил, какое имя в документах.

В документах решили записать – Вероника. Наталье очень нравилось это редкое имя. Павлик пошел в загс, но по дороге забыл имя. Не возвращаться же обратно. Он дошел до загса и сказал, чтобы записали – Наталья. Так и стала его дочь Наталья Павловна, но это не имело никакого значения. Все равно она до конца дней оставалась Кипса. И эта кличка ей поразительно шла.

Материнское молоко было плохое в результате скудного питания. Кипса не наедалась и орала с утра до вечера изо дня в день. Холод в доме такой, что лопались струны рояля.

Павлик не переносил детского крика. Он мешал ему сосредоточиться. Не могло быть и речи, чтобы отец хоть пять минут подержал ребенка на руках или погулял с ним. Все ложилось на плечи бедной Наташи. Она не спала ночами и днем не могла отдохнуть. А Павлик пребывал в своих поэтических эмпиреях. Он был с ног до головы поэт. Работал запойно, и ему было совершенно все равно, что творится вокруг. Он шкафом отгородил себе место в общей комнате, получился закуток. А в закутке: стол, диван, над диваном его портрет работы Завадского. Он мог целыми днями не есть, ночами не спать. Весь уходил в свои строчки.

Не всякая жена выдержит такого мужа, но Наташе даже в голову не приходило попросить Павлика сходить в магазин или подмести пол. Все на ней. Бедная Наташа верила, что дочка подрастет и можно будет вернуться в студию и продолжить свою актерскую карьеру. Эта вера, как огонек в ночи, поддерживала и обнадеживала молодую измученную Наташу.

Кипсе исполнилось два года. Она начала ходить. Перестала орать беспрестанно. Стало значительно легче, и Наталья решила вернуться в театр.

Она принялась готовить пантомиму вместе с Рубеном Симоновым. Планировала показать ее Вахтангову.

Театр собирался в гастрольную поездку за границу: Берлин, Париж. Наталья надеялась поехать вместе со всеми. Это было вполне реально. Как вдруг... Это роковое «вдруг» вторглось в ее жизнь в самые неподходящие моменты.

Оказалось, что она опять беременна. Это значило, что впереди роды, кормление и заточение в четырех стенах. И никакого театра, никаких гастролей, все радости жизни – мимо. Счастье утекало, как дым в трубу.

Наташа не хотела рожать, умоляла врачей сделать аборт, но время было упущено. Пришлось оставить ребенка.

Павлик уехал с театром без жены. Было бы странно, если бы он захотел разделить ее участь. Эгоцентризм талантливых людей не имеет предела. А может быть, талант ни при чем. Просто это характер Павлика, который ничего себе не запрещал. Этакий анфан террибль (ужасный ребенок).

Павлик уехал, оставив беременную плачущую жену. Но это не все. В поездке он позволил себе влюбиться в молодую прехорошенькую артистку Зою Бажанову. Ее только что приняли в театр. У Зои была особенность: разные глаза – один серый, другой карий. Оригинально.

Павлику поднаеела постоянно беременная и постоянно подавленная жена. Он кинулся в прозрачные воды новой любви.

«Ему всю жизнь были нужны впечатления, – вспоминает Наталья Николаевна. – Все время надо было быть в кого-то влюбленным. Что же делать? Он такой был...»

Я считаю: когда мужчина, будучи женатым, шарит глазами по сторонам, он обязательно кого-нибудь нашарит. Наталья Николаевна объясняла это поведение творческой натурой, а я называю это иначе: безответственность. Церковь предлагает в таких случаях воздержание. Но зачем воздерживаться, когда можно этого не делать? Вот Павлик и не делал. Шел на поводу у своих страстей.

Театр вернулся из поездки. Для Наташи начался кошмар. Зоя звонила по ночам, кричала, что покончит с собой, если Павлик сейчас же, сию минуту не предстанет перед ее очами. Он убегал из дома. Наталья рыдала. На другой день Павлик возвращался, клялся, что больше такого не повторится, но все повторялось, и кончилось тем, что Павел ушел из семьи.

Получив Павла в полном объеме, Зоя почувствовала угрызения совести и написала Наташе покаянное письмо. Дескать, она не имеет права отнимать отца у детей и поэтому отказывается от собственных детей. Она никогда не станет рожать, и все отцовские чувства Павлика будут принадлежать сыну и дочке – Кипсе и Володе.

Может быть, Зое искренне захотелось заплатить за моральный ущерб брошенной жены, а может – просто лицемерие: не могла рожать и сделала вид, что принесла себя в жертву.

Так или иначе, Зоя получила мужа. Она его обожала, баловала. Все ее нереализованные материнские чувства обрушились на Павлика. Зоя любовалась его красотой, которой не было. Обаяние было. Это правда.

Вся дальнейшая жизнь Наташи – это дети и заработок. Надо было тащить детей: поднимать, учить, кормить, воспитывать. Тут не до себя. Еще недавно – красавица и умница, помещичья дочь, жила как брошенка, без мужской поддержки, без ласки. Только труд и самопожертвование.

Кипса все время рисовала, прирожденная художница. У Володи прорезался математический талант. Когда-то Наташа не хотела рожать, а мальчик получился очень удачный: талантливый, красивый, добрый. Наталья Николаевна любила его нечеловеческой любовью. А может, как раз человеческой.

Началась война. Володе исполнилось восемнадцать лет. Его сразу призвали. Послали в военное училище в Алма-Ату.

Наталья Николаевна отправилась в эвакуацию в Ташкент. Надеялась, что из Ташкента будет легче перебраться к сыну в Алма-Ату. Но не получилось.

Накануне войны двадцатилетняя Кипса вышла замуж и родила мальчика Андрея. Надо было помочь дочери.

Условия жизни – ужасающие: жара, отсутствие денег. Павлик, как всегда, был занят собой, разъезжал с театральной бригадой по фронтам. Он мало думал о том, что вне поэзии. А его бывшая жена, дочь и внук были как раз вне поэзии.

Все-таки Наталье Николаевне удалось увидеть сына, когда он ехал на фронт. Один-единственный раз, на перроне вокзала.

Володе присвоили звание младшего лейтенанта. Он стоял юный, в новенькой форме. Все время успокаивал:

– Мама, не волнуйся. Со мной ничего не случится. Я хитрый.

Этот «хитрый» погиб в первом же бою.

От Натальи Николаевны долго скрывали правду. Прятали извещение о смерти. Потом все-таки сказали. Ее жизнь остановилась.

Павел Григорьевич приехал в Ташкент. Пришел к бывшей жене. Они сидели, прижавшись друг к другу, враз осиротевшие. Павлик плакал. Все наносное с него сошло. Он рыдал, его душа сотрясалась.

Поэту свойственно все свои чувства переплавлять в стихи, и он выплеснул свою горе, написав поэму «Сын». Это лучшее, что вышло из-под его пера. Поэма была удостоена Сталинской премии. К поэту пришло признание.

Вова! Ты рукой не в силах двинуть,
Слез не в силах с личика смахнуть,
Голову не в силах запрокинуть,
Глубже всеми легкими вздохнуть.

Почему в глазах твоих навеки
Только синий, синий, синий цвет?
Или сквозь обугленные веки
Не пробьется никакой рассвет?

Несмотря на внешнее неучастие в жизни первой семьи, Павел Григорьевич был связан с ними вековыми нитями. Их корневая система перепуталась глубоко под землей и стала общей. Это было одно дерево: Наташа Щеглова, Павлик, Кипса, Володя.

Зоя, конечно, тоже существовала, но без корней. Просто ветка от основного ствола. Она это понимала и часто прикладывалась к рюмочке. Но ничего. Рюмочка ничему не мешала. И даже, наоборот, расцвечивала мир в радужные краски.

Война кончилась. Сталин умер, но успел дать писателям землю под дачи. По полгектара на нос. На реке Пахре возник поселок «Советский писатель».

Зоя Бажанова уже не работала в театре. Может быть, ее сократили, либо она ушла сама. Павлик – вот ее театр и ее сцена.

Зоя легко рассталась с актерской карьерой и вся ушла в обустройство дома. Дом она создавала медленно, продумывая каждую деталь. Ничего случайного. Большим вкусом и немалым богатством, а также дизайнерским талантом веяло от интерьера. Старинную мебель Зоя находила в комиссионных магазинах. Эта громоздкая мебель не влезала в тесные хрущевские квартиры. Ее просто выбрасывали на помойку либо свозили в комиссионки.

Мой друг художник Игнатьев принес домой с помойки потрясающий дубовый стол. Он нес его на голове.

У Антокольских я запомнила буфет из черного дерева, весь в резных завитушках, как мех каракуля. Тончайшая ручная работа, редкое драгоценное дерево. Впечатление, что этот буфет принадлежал маркизе де Помпадур. От него было невозможно оторвать глаз. Хотелось смотреть и смотреть. В этом буфете была какая-то магия.

Нереализованное материнство, неудавшееся актерство – все это объединилось в энергию созидания дома. И он возник. И был прекрасен и неповторим, как музей. На стенах висели редкие гравюры в сдержанных дубовых рамах. Павловские стулья, люстры – хрусталь и бронза, дубовый резной овальный стол. Зоя гордилась домом, это была ее козырная карта.

Приходили гости, соседи по поселку: Семен Кирсанов, Нагибин с Беллой Ахмадулиной, Матусовский с дочками, Владимир Масс с женой. Их так хотелось принять, а Зоя умела принимать.

– Павлик! Павличек! – звала Зоя.

И сверху, со второго этажа, стучали по ступенькам шаги. Это из своего кабинета спускался Павел Григорьевич – лысый, с трубкой, торчащей из-под щеточки седых усов, со своими сверкающими глазами. Он воцарялся за столом и перекрывал голоса гостей своим хриплым напористым голосом.

Антокольский читал свои стихи:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.